

Глядя на это, даже есть расхотелось. Как Су Цзяньчэнь вообще терпел оригинала до самого финала?

Су Чи поначалу решил, что парень снова прикидывается «белым лотосом», но быстро понял, что тот искренне озадачен, и невольно замолчал:

— Ты что, правда не понимаешь?

Су Хуэйи опустил голову и начал ковырять пальцы:

— Дай хоть какую-нибудь подсказку, я же хочу извиниться перед вторым братом.

Он уже начинал бояться этих скрытых сюжетных поворотов.

Динь! Двери лифта открылись. Су Чи вошел в коридор и произнес:

— Перед тем как уехать в командировку, отец подарил второму брату бонсай из подокарпа. У тебя был такой же. Ты сбросил его бонсай со второго этажа и разбил, а потом сказал отцу, что брат якобы позавидовал твоему и нарочно сломал свой, потому что ему твой больше нравился.

— Но на самом деле брат очень дорожил тем деревом. Теперь, как только он видит тебя, сразу вспоминает о разбитом бонсай.

«Ой-ой...!» Су Хуэйи всё понял.

Мало того что выбросил вещь с высоты, так еще и переложил вину на жертву — вот же бесстыжий оригинал. Он сейчас прямо прочувствовал всё это, и его охватила злость!

Интересно, обливался ли Су Цзяньчэнь слезами по ночам, обнимая горшок с разбитым деревцем...

Вернувшись домой, Су Хуэйи быстро-быстро поднялся по лестнице и нашел свой бонсай в спальне. Садовник, которого подарил Су Цзитун, стоял целое состояние — что уж говорить о самом подокарпе с искусно сформированной кроной.

Горшок был довольно тяжелым, и пока Су Хуэйи тащил его в комнату Су Цзяньчэня, у него заныли руки.

Он осторожно поставил растение на балконе и, взглянув на свои ладони, увидел красные полосы от тяжелого дна горшка.

«Второй брат, прости меня. Я отдаю тебе свой бонсай в знак компенсации, пожалуйста, прости меня~ (кланяется в землю)»

В конце записки Су Хуэйи нарисовал маленького человечка, который стоит на коленях, уткнувшись головой в пол. На макушке у человечка торчал хохолок, а зад был поднят высоко вверх.

Закончив, он поспешно улизнул обратно.

...

Днем Су Хуэйи созвонился с Сунь Хэюем.

Вчера он осмотрел ликеро-водочный завод и решил, что для начала закупит вина на два миллиона. Если продажи пойдут хорошо, потом закупит еще на два миллиона.

Он всё обдумал: вино — это такой товар, который не испортится, даже если будет продаваться медленно. К тому же, имея перед глазами пример бренда Линцзю, если Куньцзю окажется удачным вложением, прибыль точно удвоится.

Сунь Хэюй был более осторожен и согласился вложить только миллион двести тысяч, а Чжоу Цинчэн следом за ним — миллион. Достигнув предварительной договоренности, они договорились послезавтра поехать на завод и подписать контракт.

Су Хуэйи болтал с Сунь Хэюем до самого ужина. Они как раз обсуждали розовые планы о том, как сказочно разбогатеют за одну ночь, когда вернулся Су Чи.

Су Хуэйи, сидевший в гостиной, услышал шум в прихожей и быстро прошептал в трубку:

— Мой брат вернулся, не могу больше говорить!

Сунь Хэюй не выдержал:

— Ты относишься к инвестициям так, будто мы заговорщики в любовной интрижке.

Су Хуэйи тут же сбросил вызов.

Обернувшись, он увидел, что Су Чи входит в гостиную:

— Снова болтал по телефону со своим другом, с которым пьешь?

Су Хуэйи уклончиво промычал «угу» в попытке перевести тему:

— Старший брат, а почему второй брат не вернулся вместе с тобой?

— Что-то случилось?

— Я хочу извиниться перед ним, — с энтузиазмом ответил Су Хуэйи. — Как думаешь, стоит ли мне приготовить для него обед с любовью?

Су Чи приподнял бровь:

— Ты хочешь решить проблему с корнем?

Например, устранив самого человека.

Су Хуэйи: «...»

Вскоре вернулся и Су Цзяньчэнь. Он поздоровался с Су Чи и прошел напрямик наверх.

Су Хуэйи поспешно соскользнул с дивана и, топорща хохолком на голове, вприпрыжку помчался за ним.

Су Чи прислонился к длинному столу в гостиной, обхватив себя руками и просматривая что-то в телефоне. Он слегка приподнял веки, но тут же снова опустил их.

Спальня Су Цзяньчэня находилась в самом конце коридора на втором этаже, дальше всех от комнаты Су Хуэйи. Как только Су Цзяньчэнь вошел внутрь и начал переодеваться, в дверь постучали:

— Кто там?

Дверь приоткрылась, явив пушистую макушку Су Хуэйи. Он мельком глянул на Су Цзяньчэня и, не дожидаясь, пока его выгонят, юркнул внутрь, словно килька, протиснувшись в щель, и запер дверь за спиной.

— Второй брат.

— Кто позволил тебе войти? Убирайся! — нахмурившись, Су Цзяньчэнь широким шагом подошел к нему, собираясь вышвырнуть вон.

Су Хуэйи так оробел от этого решительного вида, будто его сейчас снесут парой ударов, что прислонился к двери, пытаясь обрести опору:

— Второй брат, я принес тебе бонсай вместо того, который разбил.

Рука, тянувшаяся к нему, замерла, но выражение лица стало еще страшнее:

— Проваливай!

Су Хуэйи дрожащим пальцем указал на балкон:

— Я был неправ, теперь я всё осознал. Я отдаю тебе свой бонсай в качестве компенсации. Можешь не прощать меня, но, пожалуйста, перестань злиться.

Фраза про «можешь не прощать» звучала настолько жалко, прямо как в драме.

Су Хуэйи сам едва не разрыдался.

Су Цзяньчэнь увидел, как опустились уголки его глаз — казалось, он готов вот-вот расплакаться. В голове всплыла картинка со вчерашнего вечера у входа на кухню: извилистые капли воды, стекающие по уголкам глаз, замерли жемчужиной на красивой линии подбородка.

Честно говоря, это вызывало желание защитить.

Если бы не отвратительный характер этого человека, Су Цзяньчэнь почти был готов махнуть рукой и сказать: «Ладно».

Но это был Су Хуэйи — злобный приемный младший брат, который переворачивает правду с ног на голову, не знает благодарности и бесчисленное количество раз переступает через чужие границы.

Су Цзяньчэнь повернулся к балкону, взял бонсай и поднес его обратно к лицу Су Хуэйи, с отвращением бросив:

— Забирай.

Су Хуэйи продолжил свою жалобную партию:

— Раз я уже дал его второму брату, забирать обратно не буду!

— Вот как. — Су Цзяньчэнь внезапно поднял бонсай над головой, собираясь его разбить. На его кистях проступили вены, переходящие на предплечья — было ясно, какую силу он приложил.

Су Хуэйи испугался, но, стиснув зубы, бросился вперед и обхватил запястья Су Цзяньчэня:

— Второй брат, нет, не бей!

Если он его правда разобьет, их отношения будут окончательно разрушены.

Пальцы Су Хуэйи, тонкие и изящные, обхватили запястья Су Цзяньчэня. Контраст силы выглядел пугающе, создавая странное напряжение.

Су Цзяньчэнь уже хотел оттолкнуть его, как вдруг заметил на кончиках его пальцев красные полосы. Сила его хватки ослабла, и он чуть не уронил бонсай.

Су Хуэйи в ужасе вскрикнул:

— Второй брат... не дай ему упасть, он же зацветет!

— Хотя бы придумывай оправдания, которые звучат правдоподобно. Когда это подокарпы цвели?

Су Хуэйи всхлипнул:

— Я имел в виду свою голову.

— ...

Су Цзяньчэнь всё же опустил бонсай, но его тон не стал мягче:

— Если я его приму, ты снова превратишься в добряка, да? Раньше я завидовал, что твой цветок лучше моего, со зла разбил свой, а ты, будучи таким «понимающим», подарил мне свой, чтобы я не злился.

Маленькая головка Су Хуэйи затряслась, как погремушка:

— Нет-нет, это я разбил, я плохой, я компенсирую тебе это.

Су Цзяньчэнь молчал секунд десять, а потом сказал:

— Хорошо.

Су Хуэйи замер: а?

— Иди и скажи отцу всю правду. Расскажешь — я тебя прощу.

Су Хуэйи встретился с его насмешливым взглядом и закусил губу.

— Ха, я так и знал, что ты...

— Хорошо, вечером за ужином я всё скажу отцу.

Су Цзяньчэнь опешил, а Су Хуэйи уже развернулся и вышел.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, в комнате воцарилась тишина. Су Цзяньчэнь смотрел на

бонсай в своих руках, долго оставался неподвижным, а потом саркастически хмыкнул.

...

Выйдя из комнаты, Су Хуэйи тут же обмяк, как кусок мягкого желе, и сполз по стене в коридоре.

Боже-боже-боже, напугал до смерти! Су Цзяньчэнь был таким страшным — когда он стоял с поднятым над головой бонсаем, он казался огромной горой, готовой рухнуть прямо на него.

Несколько раз ему казалось, что он вот-вот отдаст концы!

Су Хуэйи, держась за перила, медленно спустился вниз, чувствуя, как дрожат ноги. Он проходил через гостиную на кухню, но, поравнявшись с Су Чи, колени у него подогнулись, и он чуть не рухнул перед ним на колени.

Су Чи снисходительно подхватил его под локоть:

— Ты...

— Как будто только что встал с кровати, приходится ходить, держась за стены, — пробормотал Су Хуэйи, находясь в смятении.

— ... — Су Чи решил пропустить этот момент. — Что ты забыл на кухне?

Су Хуэйи печально усмехнулся:

— Пойду посмотрю, насколько обильным будет мой последний ужин. Чтобы сытым уходить на покой.

Су Чи промолчал.

Перед ужином Су Цзитун и Юй Синьянь вместе вернулись домой. Сегодня они встречались со старыми друзьями. Су Цзитун был на пике карьеры, жена красива и добродетельна, сыновья выдающиеся — обсуждая семейные дела, он буквально сиял от счастья.

Су Цзитун даже не успел переодеться после официального костюма, лицо его горело румянцем. Он прямо вошел на кухню и распорядился У Ма:

— Добавьте-ка вечером еще одно блюдо, будем праздновать!

У Ма радостно заулыбалась:

— Господин сегодня в хорошем настроении, что за повод?

— Празднуем успехи в делах и гармонию в семье! Небеса ко мне благосклонны!

Юй Синьянь укоризненно взглянула на него:

— Вроде взрослый человек, а такой несдержанный. Иди переоденься.

Чета придерживаясь друг друга за руки, направилась в свою комнату. Когда они дошли до второго этажа, Су Цзяньчэнь как раз вышел из своей спальни:

— Отец, мама, вы вернулись.

<http://bllate.org/book/18282/1752280>